

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ CURRENT PROBLEMS OF POLITICAL SCIENCE

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-116-133

Научная статья

Аутентичное развитие: ключевые аспекты концепта

С.Г. Ильинская

Институт философии Российской академии наук
Ул. Гончарная, 12, стр. 1, Москва, Россия, 109240

Аннотация. В работе раскрываются социальные, политические, философские и экономические аспекты концепта аутентичного развития, о котором автор ранее писала на страницах Вестника РУДН. Помимо опоры на российский исторический опыт и социокультурные ценности предлагаемый проект включает в себя отдельные социогуманитарные разработки отечественных исследователей предшествующих поколений, на которых статья предметно сконцентрирована. Благодаря применению системного и междисциплинарного подхода удается не только выделить социально-политическую и гуманитарную составляющую концепта, но и объемно представить весь комплекс проблем, на решение которых он направлен.

Ключевые слова: аутентичное развитие, трудовая этика, параллельный контур управления, разумный изоляционизм, нравственная экономика

В России были и есть здоровые интеллектуальные силы, которые выходят на глубокий уровень осмысления существующих проблем и формулируют оригинальные пути их разрешения. Проекты развития, вызревшие в недрах российского общества и альтернативные триаде «вестернизация – демократизация – модернизация», безусловно, заслуживают внимания. Много из того, что сегодня стало очевидным благодаря опыту постсоветского развития, еще двадцать лет назад было предвосхищено в трудах отечественных ученых: философов, историков, экономистов, которым иногда приходилось становиться публицистами для того, чтобы быть «услышанными» как

© Ильинская С.Г., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

можно более широкой аудиторией. Настоящая статья сфокусирована на тех из них, чьи идеи помогли сформулировать авторский концепт аутентичного развития.

Дисгармонизация социальной реальности

Рассматривая состояние современного российского социума, необходимо остановиться на нескольких ключевых проблемах, существенно сказывающихся на самоощущении его членов.

В настоящее время происходит стремительная утрата трудовой этики, влекущая за собой в том числе интеллектуальную и нравственную деградацию. Если в советском обществе официально декларировался принцип: «У нас в стране любой труд почетен», то сегодня человек, выполняющий физическую работу, воспринимается как аутсайдер, которому не посчастливилось в жизни получить возможность вести более беспечное и расслабленное существование. При этом «те, кто сохранил профессиональную связь с продуктивной экономикой», получают зарплату «ниже прожиточного минимума. Напротив, те, кто связан с асоциальными и контрпродуктивными практиками – валютными спекуляциями, вывозом национальных богатств за рубеж, продажей национальных секретов заинтересованным ведомствам противника, недобросовестным «пиаром» и манипуляциями, – остались единственно вознаграждаемыми» и ведущими престижный образ жизни. В России было создано общество, «отказывающееся поощрять добросовестный труд» [1. С. 133].

Чтобы ни утверждали относительно двухуровневой советской морали, но, если для государственной идеологии ключевой референтной группой являются «трудящиеся» (а не «олигархи» или «рантье»), это влечет за собой ряд существенных следствий, в том числе принципиально иное отношение к работнику. За самоотверженный труд простой человек сравнительно недавно мог быть награжден медалью или орденом, а также различными материальными поощрениями (государственной премией или внеочередной покупкой автомобиля). На съемках программы «Новогодний огонек» наряду с академиками и космонавтами на экран попадали передовики производства и простые доярки, а не исключительно представители праздного класса. Учитель и врач в СССР были не низкооплачиваемым обслуживающим персоналом, а достойными и уважаемыми профессиями.

Деиндустриализация российской экономики привела к утрате инженерно-технической когорты. Автоматизация и роботизация имеющейся промышленности объективно влечет за собой исчезновение кластера технических специалистов. Сегодня занятость населения обеспечивается за счет виртуализации экономики, возникновения видов деятельности, не несущих пользы обществу (навязанных услуг, псевдо- и лжеуслуг). Образование и здравоохранение превратились в отрасли экономики, которые в этом качестве должны приносить доход и стремиться к максимизации прибыли. Такая

ситуация разительно отличается от положения дел в СССР, где ставилась цель иметь здоровое и образованное население и присутствовала политическая воля для достижения этой цели. При существующем положении дел результат в этих сферах подменяется процессом, когда люди непрерывно получают услуги, никогда не достигая искомого состояния.

Детей ориентируют на ранний выбор будущей профессии и концентрации на нескольких необходимых для дальнейшего обучения предметах. Такой подход помимо дисгармоничного развития школьника влечет за собой невозможность изменить в дальнейшем направление специализации, в то время как ситуация постмодерна, напротив, требует широкой эрудиции, дающей возможность легко перепрофилироваться, если вследствие НТП или изменения конъюнктуры рынка полученная специальность перестанет быть востребованной. Даже если искренне верить в возможность раннего выявления тех или иных способностей, все равно, ранняя специализация вместо фундаментально образованной личности, умеющей мыслить вариативно, формирует однобоко и ущербно развитую. Эксперты считают, что «когда нам говорят про обучение в течение всей жизни, речь идет лишь о примитивном наборе навыков, которые могут меняться в зависимости от потребностей работодателя» [2]. «Проводники политики рыночного “секвестра” уничтожают просвещение... и перспективы России как развитой страны» [1. С. 115].

Также произошла утрата навыков традиционного хозяйствования, прежде всего, из-за масштаба производства современных агрохолдингов. Исторически сельское хозяйство было основано на гармоничном сочетании отраслей, когда отходы животноводства (например, навоз) использовались в растениеводстве (становясь органическим удобрением) и наоборот (солома для подстилки и т.д.). Концентрация по 5 тыс. голов КРС на одном животноводческом комплексе превращает его в чудовищный источник загрязнения окружающей среды, поэтому утилизировать навоз на таком производстве приходится почти на уровне критериев, предъявляемых к отработанному ядерному топливу. Управление гигантским комбайном в крупном агрохолдинге имеет настолько опосредованное отношение к понятию «возделывание земли», что полностью исключает традиционную этику из данного процесса, превращая прежде плодородные почвы в грунт, уплотненный до состояния цемента. Многие принципы традиционного хозяйствования сохранялись даже в индустриализированных колхозах и совхозах, а советские ученые трудились в направлении минимизации отрицательных сторон интенсификации сельскохозяйственного производства, предлагая безотвальную вспашку и т.п. технологии, разрабатывая для них специальную технику.

Результаты интенсивного способа производства продуктов питания наносят здоровью населения существенный вред. Это касается продукции как животноводческой, так и растениеводческой отрасли. Для того чтобы продукция растениеводства была рентабельной, она выращивается с применением большого количества сельскохозяйственной химии (гербициды, фунгициды, инсектициды, акарициды), которая в итоге попадает в организм

конечного потребителя: животных, от которых затем получают товарное молоко, и человека. У содержащихся в стойлах и вскармливаемых по промышленным стандартам жвачных нарушаются естественные процессы, которые должны происходить в многокамерном желудке, поэтому такое молоко не сыропригодно, для производства из него творога и сыров нужны совсем не безвредные химические добавки. Само молоко, учитывая его дальнейшую промышленную обработку, имеет сомнительную ценность и наряду с яйцами стало на сегодня одним из самых аллергенных пищевых продуктов. В 2019 г. чрезмерное применение пестицидов в Орловской области нанесло непоправимый ущерб отрасли пчеловодства. Антибиотики и гормоны роста, используемые при откорме скота и птицы в мясной промышленности, накапливаются в мясе и тоже попадают в организм потребителя, вызывая резистентность к антибиотикам и раннюю онкологию. В дальнейшем, при производстве мясных продуктов, товарное мясо смешивается с консервантами, антиокислителями, генномодифицированной соей, пальмовым жиром и т.д. Последний широко применяется также в производстве кондитерских и молочных продуктов. Одна отрасль экономики (пищевая промышленность) снабжает население вредной пищей, другая (медицина) в дальнейшем пытается лечить последствия ее употребления.

Сама тенденция интенсификации производства продуктов питания была характерна для перехода от традиционного к современному обществу. У нас в стране в XX веке она стартовала с началом коллективизации и носила особенно организованный и повсеместный характер, поскольку происходила в сжатые сроки периода ускоренной индустриализации и служила задаче массового высвобождения рабочих рук для промышленности. Это пройденный этап как российской, так и мировой истории. В настоящее время перед страной стоят прямо противоположные задачи: нужно вовлечь население в созидательные формы занятости и обеспечить его качественным продовольствием, а для этого необходимо создавать стимулы для дезурбанизации и «возвращения на землю» людей, перехода их к органическому сельскому хозяйству. Пока на уровне государственной политики тенденции прямо противоположные. Вот почему меры по стимулированию рождаемости, осуществляемые в сочетании с сокращением образовательных и медицинских учреждений на селе, не достигают своей цели. Все качественное образование и здравоохранение сосредоточено в мегаполисах, где любые меры стимулирования рождаемости не могут иметь желаемого эффекта, поскольку в городской квартире воспитывать более трех детей очень сложно. Городская многодетность – прямой путь к маргинализации и социальному иждивенчеству. Прирост населения всегда давали именно малые города и села, в которых была возможность вести приусадебное хозяйство. Именно туда сегодня нужно не только возвращать медицину и образование, но и создавать там новые рабочие места.

Уничтожение колхозов и совхозов тридцать лет назад шло под лозунгом «Дорогу инициативному фермерству!». Современное внедрение ФГИС «Мер-

курий» и другие способы стандартизации на деле способствуют уничтожению малых форм предпринимательства из-за отчуждения права на свободную реализацию сельскохозяйственной продукции. Под предлогом борьбы с пальмовым маслом и прочим суррогатом с прилавков вытесняют натуральные продукты. Лишая крестьянство рынков сбыта, его принуждают покинуть родные места в поисках лучшей доли. В итоге плодородные земли зарастают лесом, а мегаполисы приближаются к грани социальной революции.

Утрата трудовой этики и престижа рабочих профессий тесно переплетены с активной трудовой иммиграцией и образуют с ней сложную систему, являясь в чем-то причиной, а в чем-то – следствием, что, в свою очередь, влечет за собой целый комплекс взаимосвязанных проблем. Депопуляция и старение российского населения считаются достаточными аргументами для вынесения вердикта о безальтернативности использования иностранцев в качестве рабочей силы. Однако миграционные потоки в настоящее время сформировались так, что наряду с притоком в Россию неквалифицированной рабочей силы из кишлаков Таджикистана, Узбекистана и Киргизии нарастает отток за рубеж не нашедших себе применения квалифицированных российских специалистов в возрасте 24-38 лет. Эмиграция наиболее образованной части отечественного кадрового потенциала ставит под сомнение будущее инноваций в российской экономике, способствует усилению технологического отставания, утрате новых научных направлений.

Основными центрами направления иммиграционных потоков вследствие их диаспорного характера являются мегаполисы (прежде всего Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область) и южные регионы России, не имеющие дефицита рабочей силы и являющиеся центром притяжения для внутренней трудовой миграции, обусловленной разницей в «реализации экономических возможностей, в уровне оплаты труда, наличии рабочих мест, медицинском обслуживании и качестве жизни в целом» [3. С. 177]. Вот почему другим социальным и экономическим результатом вышеуказанных тенденций становится сокращение внутреннего платежеспособного спроса. Оно происходит как за счет снижения уровня заработной платы россиян, занятых на тех же позициях, что и трудовые мигранты (и обусловленного такой конкуренцией), и увеличения числа безработных россиян, так и за счет того, что на потребление внутри страны иммигранты тратят не более 20% своего дохода, минимизируя его норму ради поддержки своих семей за пределами России. Таким образом, экономия предпринимателей на оплате труда оборачивается недостаточным реинвестированием отечественной экономики.

В настоящее время целые отрасли полностью переориентируются на использование низкоквалифицированной рабочей силы, что влечет за собой резкое снижение качества продукции, выполненных работ и оказанных услуг. Особенно тревожная ситуация складывается в строительстве. При любых, даже самых высоких, бюджетах строительных работ их реальными исполнителями оказываются иностранцы, зачастую не имеющие достаточ-

ной квалификации и не владеющие русским языком, а стоимость работ влияет только на величину маржи, которая достается подрядчикам и субподрядчикам.

То, что часть изменившейся реальности обусловлена глобальными тенденциями, а часть – сугубо российской спецификой, рядовым обывателем, как правило, не анализируется. Нижние сегменты социальной лестницы живут с ощущением, что все лучшее уже состоялось, вместо советской мечты о коммунистическом будущем они вынуждены лелеять постсоветские воспоминания о справедливом прошлом.

Острая «потребность в реализации социальной справедливости связана в сознании россиян с низким уровнем жизни, высоким уровнем тревожности относительно своего будущего, недостаточной социальной защищенностью» и сильнейшей социальной поляризацией. Больше половины опрошенных отрицательно оценивало «современную экономическую и социальную политику в стране» даже в 2011 г., когда экономика России была почти на пике подъема после финансового кризиса 2008, а не в стагфляционной ловушке, как сейчас. И «именно недостаточная социальная защищенность является основной причиной эмиграции людей из России» [4. С. 61, 63].

Общественное недовольство пытаются погасить атмосферой непрерывного праздника и развитием в мегаполисах индустрии развлечений. В социальных науках вместо объективного сопоставления советского прошлого и российского настоящего, на основе которого возможно было бы дальнейшее развитие, мы имеем полярные точки зрения: от апологетики до очернительства того или иного. В то же время среди молодежи (у поколения «миллениалов», которое не помнит советский опыт и имеет информацию о нем лишь от родителей или из других источников) растет популярность идей и ценностей социализма, причем данная тенденция характерна не только для российских студентов, но даже для их сверстников в США. Исследователи объясняют этот факт тем, что социальное неравенство не только в России, но и в мире в целом в настоящее время достигло своего апогея [5. С. 189].

Специфика политической системы

Ретроспективный исследователь системы русской власти, ученый-историк и публицист-футуролог Андрей Фурсов, рассуждая об условиях успешного развития современной России, включает в их число три необходимых элемента: интеллектуальное превосходство, политическую волю и адекватное знание о мире и о самих себе. Пока что, утверждает он, мы, «отбросив зашедший в тупик советский догматический марксизм, в основном довольствуемся интеллектуально-теоретическими» заимствованиями западных социальных, экономических и политических наработок, «которые, во-первых, отражают иную социальную реальность, а во-вторых, реальность 25-30-летней давности» [6. С. 85]. Для того чтобы в грядущей перспективе «новой реколонизации мира», когда у «менее достойных и неприспособлен-

ных» отнимут «дефицитные земные ресурсы, которыми они все равно не в состоянии эффективно распорядиться» [1. С. 56], России удалось избежать участи жертвы, он говорит о необходимости подавления всех политических групп, заинтересованных в сохранении ее нынешнего положения сырьевого придатка и финансового данника (не исключая и такого элемента подавления, как введение чрезвычайной, неинституциональной системы власти), и создания нового коллективного субъекта стратегического действия, сетевой структуры «Русский мир».

На достижение интеллектуального превосходства и разработку адекватного знания направлена деятельность Изборского клуба – сообщества патриотически ориентированных экспертов, поставившего перед собой ряд задач, служащих постепенному реформатированию российской политики. «Борьба за умы» ведется ими через написание аналитических докладов, разработку альтернативных политических программ, сотрудничество с экспертами в различных регионах России, формирование новой повестки дня и образование широкой антилиберальной политико-идеологической коалиции.

Обращение Фурсова в соавторстве с Ю.С. Пивоваровым [7; 8], а также другими авторами (например, В.П. Макаренко) [9] в конце 1990-х гг. к историческим формам российской государственности и чрезвычайным способам решения накопившихся проблем было вызвано осознанием нескольких фактов: 1) что реформированная российская политическая система успешно блокирует любые низовые протесты и инициативы; 2) что в отечественном социально-гуманитарном познании пока отсутствует научный язык, адекватный для описания, понимания и объяснения российской действительности; 3) что использование при изучении иных социокультурных реалий языка западной академической науки, который сформировался в другой когнитивной среде, привело к заикливанию на парадигме модернизации-либерализации-демократизации и рассуждениях об отклонении от универсальных принципов развития, возвратных тенденциях авторитаризма и т.п.

Предложенный Фурсовым и другими авторами поиск путей выхода из той интеллектуальной стагнации, куда российских ученых завела когнитивная подражательность, подвергся суровой академической критике за мистификацию «неизменных» российских культурных кодов. Выступая в защиту предложенного направления исследований, А.В. Лубский высказал несколько суждений по поводу фатальной безысходности произвола власть предержащих в России. С его точки зрения, «русская система» – это «концепция российской государственности как государственно-организованного общества» [10. С. 128]. Рассуждая на тему обреченности России на «русскую власть», Анатолий Владимирович предлагал опереться на методологические подходы, используемые в рамках неоклассической модели научного познания и связанные с идеей нелинейного времени, предполагающей реактуализацию прошлого в настоящем, дающую новое видение будущего.

Работая в данном направлении и выделяя ключевые черты «русской» политической системы на различных этапах ее исторического развития,

А.И. Фурсов в дальнейшем приложил немало усилий для того, чтобы раздemonизировать понятие «опричнина», сведя его суть к «иной, параллельной системе власти» (от слова «опричь», т.е. кроме), определить различные исторические формы опричнины, классифицировав ее на питерскую («птенцы гнезда петрова» Петра I), когда социальные изменения были обеспечены беспощадной эксплуатацией «низов» общества, и грозненскую (опричники Ивана IV, ЧК И. Сталина), представляющую собой диктатуру над потребностями, прежде всего, «верхов». Андрей Ильич в общеисторическом смысле трактует опричнину как организационное оружие, изменяющее ход истории благодаря направленному воздействию на систему в момент, являющийся точкой бифуркации. Впервые опричный принцип власти возникает для преодоления олигархического и, в свою очередь, порождает самодержавный принцип. Фурсов концептуализировал опричнину как комплекс чрезвычайных мер и реализующих его лиц, надстраивающийся над существующей системой власти как параллельный контур управления. Главная задача этого контура: решение внеинституциональным, быстрым и в то же время легитимным способом таких задач, которые иным способом решить невозможно [6. С. 32–33]. При этом автор осознает, что, будучи крайним средством, опричнина использует крайние меры и рекрутирует склонных к ним людей. Такая политика никогда не достигает своих целей до конца и всегда имеет побочные результаты, которые приходится ликвидировать уже после ее институционализации. Позднее нередко происходит и частичное восстановление тех социальных явлений, ради борьбы с которыми она внедрялась [6. С. 56].

Специфика российской государственности, по мнению А.В. Лубского, определяется не столько формальными институтами государственной власти, сколько неформальными, которые задают, с одной стороны, модели взаимодействия государства и общества (патернализм), государства и человека (этатизм), государства и природной среды (экстенсивное расширение), государства и окружающего мира (мессианизм), а с другой – модели поведения «власть предержащих» (насилие и мобилизация), «подданных-бессубъектников» (терпение и легитимация) и «лишних людей-диссидентов» (юрродство и безнадежность) [10. С. 128].

Подчеркнем, что все эти модели, в том числе высокая регламентирующая и распределительная функция государства, сформировались вследствие особых условий существования России: суровый климат, малый прибавочный продукт, постоянная необходимость отражения внешней угрозы. И сегодня нам необходимо не радикально отказываться от испытанных временем институтов, а в тех случаях, когда это уместно, точно их возрождать. Не сокрушаясь по поводу специфичности российского пути, политической и интеллектуальной элите необходимо осознать, что в таких природно-климатических условиях, в которых существует наше государство, определяющим условием возможности для политической элиты вести «европейский» образ жизни всегда был неевропейский образ жизни низов, определяющим условием свободы самореализации для творческой интеллигенции

всегда была тотальная детерминированность простого труженика. Понять и принять данный факт означает начать практиковать иные, «незападные» стандарты самоограничения.

Сегодня ситуация усугубилась сбоем в работе вертикальных каналов социальной мобильности как способа формирования политической и интеллектуальной элиты. Каналы рекрутирования руководящего звена в СССР кроме обязательной принадлежности к КПСС предполагали последовательное прохождение всех ступеней карьерной лестницы, опыт работы на производстве. Правящий класс на сегодня – это профессиональные менеджеры, не прошедшие подобных механизмов отбора и не знающие реальной жизни простого человека. Растворяющаяся коррупция сочетается с биологическим презрением высшего звена социальной пирамиды к стране и народу. Введение западных санкций как элемента давления на политическую элиту страны было неслучайным и действительно болезненным, поскольку за границей у ее представителей находятся счета, недвижимость, дети. Им действительно важно отдыхать на престижных курортах, потреблять элитные вина и сыры, демонстрировать другие элементы роскошного образа жизни.

В отличие от большинства авторов я не считаю, что российское государство сегодня демонстрирует свои исторические качества «сильной власти». Напротив, современное российское государство – это слабое, или отсутствующее, в социальном плане государство, используемое в своих интересах узкой олигархической прослойкой и высшим чиновничеством. Такое положение дел ставит под угрозу само существование страны, поскольку, видя коррупцию в высших эшелонах власти, нижестоящие «винтики» государственной машины лишаются стимулов за скромное вознаграждение честно выполнять свой долг.

Российское государство сегодня как никогда нуждается в параллельном контуре власти, иных («опричных») институтах, не вовлеченных в круговую поруку сформировавшейся коррупции, способных «перебрать людишек», вычистив с руководящих должностей, особенно в госсекторе, всех скомпрометированных личностей. Вот уже в течение 10 лет все чиновники, их супруги и несовершеннолетние дети ежегодно декларируют свои доходы и имущество. Даже простой анализ накопленных документов – серьезная основа для подобной чистки. К сожалению, имеющиеся в наличии параллельные контуры власти (прокуратура, спецслужбы) ввиду отсутствия политической воли пока не смогли запустить этот процесс. Для обеспечения защиты государственных интересов в перспективе в политику и на госслужбу должен быть закрыт путь любому человеку, имеющему счета или недвижимость за рубежом, как не подтвердившему свою лояльность интересам страны.

Прагматизм разумного изоляционизма

«Структурный разрыв», «сингулярность траектории развития» – понятия, широко используемые в работах не только А.И. Фурсова, но и А.С. Па-

нарина, хотя, размышляя о будущем России, об опричнине последний не говорил ни слова. Впрочем, проблема, тревожившая мыслителя, была, по сути, та же: пути, возможности и условия возрождения нашей страны, о котором до самой своей кончины в 2003 г. Александр Сергеевич не переставал мечтать. Ища при этом подобную перспективу в таких исторических аналогиях, когда те, «кто был ничем», становились «всем» (как, например, в случае с ранними христианами). И если Фурсова не пугает слово «опричнина», то для Панарина необходимым условием российского возрождения являлось наличие «железного занавеса».

Целесообразность разумного изоляционизма была очевидна ему в сфере поддержки отечественного производителя, поскольку все нынешние представители экономического авангарда прошли в своем развитии фазу протекционистской политики, мало того, они и сегодня, как в случае со сталелитейной промышленностью США, не гнушаются протекционистскими мерами. Глобальная идеология «открытого мира» нужна им лишь для окончательного торжества мировой экспроприаторской политики, передающей планету в их безраздельное пользование [1. С. 58]. Обращаясь к примеру азиатско-тихоокеанских «тигров», он подчеркивает, что отечественная промышленность в данном случае заботливо развивалась при государственной поддержке до тех пор, пока не превратилась в действительно конкурентноспособную, а ее финансово-ресурсной основой стала традиционная аскетическая мораль. На мой взгляд, релевантность данного примера несколько подрывается тем обстоятельством, что в период бурного промышленного развития Азиатского региона ТНК сознательно переносили сборочные линии в Китай и государства АТР, обладающие огромными резервами молодой, дешевой и дисциплинированной рабочей силы, с целью снижения себестоимости конечной продукции. В целом этот процесс можно считать завершенным и неприемлемым для России ввиду дефицита ее трудоспособного населения. Андрей Кобяков, кстати, прямо называет политику «глобального рынка» одной из форм протекционизма, насаждаемой в своих интересах ТНК и экономически развитыми странами [11].

Целесообразность некоторой «закрытости» была очевидна Панарину и в сфере подготовки интеллектуальных кадров. Поскольку, благодаря идеологии «открытого общества», в мире на сегодня сложилась ситуация, когда одни страны тратятся на образование молодежи, а другие, пользуясь своим экономическим и символическим капиталом, переманивают специалистов, организуя «утечку умов» [1. С. 52]. И внедренная в последние годы в России система оценивания результативности труда научных работников, ориентированная на международные стандарты и критерии, – еще один шаг на пути интенсификации этой утечки.

Когда, спустя более чем десятилетие после кончины Александра Сергеевича, против России были введены западные санкции, у нас в стране впервые заговорили об импортозамещении. Однако вместо программы реиндустриализации, предложенной РАН и нацеленной на возвращение

отечественного рынка, была утверждена Национальная технологическая инициатива, разработанная АСИ и Российской венчурной компанией и ориентированная на наращивание экспортного потенциала. Вместо рутинной и планомерной работы был выбран вариант «волшебной палочки», когда прорыв в одной высокотехнологичной отрасли воспринимается как рецепт спасения для экономики в целом.

Говоря о реиндустриализации страны, нельзя не поднять вопрос о ее источниках. Доказано, что создание в стране «привилегированного общества потребления» – компрадорской элиты – автоматически приводит к сокращению накопления, поскольку традиционную служилую этику элиты заменяют прагматически-гедонистические соображения. В настоящее время «тлетворный дух декадентского модерна, антимораль, насаждающая в обществе атмосферу расхищения» [1. С. 186–187] распространилась на все слои российского населения, которое постепенно приучили жить в кредит, не отказывая себе в соблазнах и удовольствиях. Не только наиболее обеспеченная часть российской социальной пирамиды вывозит капитал из страны, инвестируя его в недвижимость и другие зарубежные активы, но и не слишком обеспеченные strаты российского общества, пережив ряд финансовых реформ и кризисов, буквально на последние деньги едут отдыхать за границу, предпочитая сегодня потратить, нежели завтра потерять. Меры по привлечению западных инвестиций, о которых мы постоянно слышим из уст правительства, – очередная химера открытой экономики, поскольку экономически развитым странам нет смысла создавать себе конкурентов. По утверждению академика С.Ю. Глазьева, вывезенные из России деньги частично «реинвестируются» в ее экономику таким образом, что целые отрасли переходят под контроль нерезидентов. «В отсутствие мер по защите собственной финансовой системы российская экономика поглощается иностранным капиталом и лишается способности к самостоятельному развитию, что обрекает ее на ухудшение позиций при любом из сценариев дальнейшего развертывания глобального кризиса» [12]. Другое устойчивое заблуждение, которое в свое время неустанно развенчивал академик Д.С. Львов, – организация стабилизационного фонда и твердая убежденность экономического блока российского правительства в том, что ни один доллар из российских золотовалютных запасов не должен расходоваться на развитие экономики страны, поскольку это может спровоцировать инфляцию. По его мнению, такое положение дел не что иное, как защита антироссийских интересов отечественными ведомствами и финансирование развития западных экономик [13].

Назрела необходимость российскому государству вернуться к своей традиционно сильной роли и стать активным участником рыночных отношений. Именно государство может сформировать ту конкурентную среду, с созданием которой не справляются рыночные игроки. При поддержке государства реиндустриализация может начать идти буквально по всем направлениям, возобновив производство для внутреннего российского по-

требления необходимых товаров, возрождая отечественную промышленность на новом технологическом витке, уже без присущей индустриальной экономике гигантомании. Небольшие, высокотехнологичные, экологичные, выпускающие качественную продукцию, с высокой долей государственных вложений, рассредоточенные по различным регионам, отечественные производственные предприятия должны стать основой возрождения промышленного потенциала страны.

Реальность доказала, что рыночные институты не справляются слишком со многими задачами. «Вместо рачительных хозяев, денно и нощно работающих над повышением эффективности принадлежащих им предприятий, бесплатная приватизация государственной собственности породила криминально-хищнический тип “рейдерского” псевдопредпринимательства, ориентированный на “сбыт краденого”» [12]. Миф об эффективности рыночной экономики теряет убедительность, поскольку повсеместно множатся примеры нерационального использования ресурсов и иной бесхозяйственности именно негосударственных субъектов рынка. И если в СССР в таких случаях можно было пожаловаться в партийные органы или привлечь прессу, то сейчас нарушение своих индивидуальных прав граждан должен отстаивать в суде или с помощью прокуратуры, а коллективные права отстаивать некому и негде. Начинать реиндустриализацию необходимо с простых вещей, скажем, с утилизации отходов, где ресурсы лежат на поверхности, нужно только организовать сбор и переработку, параллельно решая важную государственную задачу противодействия дальнейшему замусориванию земель. Упование в этом вопросе на самостоятельных рыночных субъектов привело к парадоксальной ситуации, когда граждане уже созрели для сортировки бытового мусора, а каналы его раздельного сбора и переработки еще не налажены. В той же строительной отрасли, если государство будет создавать конкурентную среду, внедряя современные ресурсосберегающие технологии, естественным образом произойдет снижение искусственно завышенных цен на недвижимость.

Но главное, в чем должен проявить себя разумный изоляционизм, это – возвращение моральным критериям должного статуса в современной культуре, а это возможно лишь в случае аутентичного поиска множества неуниверсальных ответов, укорененных в различных великих традициях. В том числе свой ответ должна дать и российская цивилизация. Согласно предсказаниям А.С. Панарина, в мире назревает новая социальная и моральная революция, назначение которой близко тому, что некогда сыграло в истории человечества христианство, которое, «с одной стороны, реабилитировало физический труд, бывший в античности презренным делом рабов, а с другой – способствовало отмене самого рабства» [1. С. 190].

Отметим, что идеи Александра Панарина не были забыты, и сегодня они получают дальнейшее развитие в работах В.Н. Шевченко, В.И. Спиридоновой, Р.И. Соколовой и других авторов.

Необходимость нравственной экономики

Одна из статей ныне покойного академика Дмитрия Львова, обосновавшего структуру справедливой экономики, функционирующей на иных принципах, нежели рыночная, так и называлась «Нравственная экономика» [14]. Будучи православным человеком, Дмитрий Львов был убежден, что скрепляющим стержнем духовных начал российского общества являются соборность и личностное стремление к общности социально-экономической жизни. Поэтому нравственная экономика должна была базироваться не на индивидуальном успехе, стремлении к наживе и безграничному потреблению, а на коллективном благополучии и высоком качестве жизни у каждого члена общества.

Понятие «соборность», пришедшее из русской религиозной философии, шире коллективизма и уже давно вышло за пределы сугубо религиозного словаря. Соборный принцип означает не только единение в церковной жизни, но и братское отношение в жизни мирской, духовное единство народа, при котором возможно такое сочетание индивидуального и социального принципов, когда принимается вторичная ценность свободы и самоутверждения по сравнению с равенством и справедливостью [15. С. 180]. Некоторые черты социальной ориентированности русского народа, называемые общинностью и выраженные в доверии и взаимопомощи, регламентированности отношений не законом, а нравственностью, получили развитие в советский период российской истории. Дореволюционная традиция «помочей» трансформировалась в СССР в субботники, выезд горожан на сельхозработы и общественную нагрузку, авторитет «мира» – в приоритет коллективных решений, роль соборов – в легитимацию решений через их принятие на съезде или собрании.

В число необходимых для высокого качества жизни человека благ академик Львов включал и такие как: «труд не только ради заработка» и «время, свободное от труда ради заработка», без наличия которых все остальные блага потребления и свободы самоопределения представляют собой лишь эрзац свобод. Так же как и А.С. Панарина, его тревожило, что с переходом страны на рыночные рельсы резко изменилось соотношение рабочего и свободного времени, произошло резкое фактическое увеличение допустимого рабочего времени, в том числе за счет совмещения работ, «прежний политический тоталитаризм... сменился тоталитаризмом новой рыночной повседневности», порождая «конформистов» и «поденщиков», «зажатых в тиски сиюминутной озабоченности» [1. С. 38–39].

В связи с тем что личные доходы в условиях нравственной экономики должны определяться вкладом каждого в прирост чистого дохода общества, Львовым был поднят вопрос о необоснованном присвоении ренты, не являющейся результатом непосредственной предпринимательской деятельности, коммерческих рисков и т.п. В изменении способов распределения ренты академик видел резерв борьбы с бедностью и утверждал, что нравственная

экономика резко снизит потери общества от отвлечения ресурсов на поддержание разного рода теневых структур, ослабит криминальные явления в сфере бизнеса. Ключевой диспропорцией, сдерживающей экономический рост и отрицательно влияющей на качество экономики, Дмитрий Семенович считал недопустимо низким уровнем оплаты труда наемных работников, который нельзя оправдать ссылкой на сравнительно низкую отечественную производительность труда. Производя сопоставления с ключевыми мировыми экономиками, Дмитрий Семенович доказал, что в начале 2000-х гг., исходя из паритета покупательной способности рубля, на один доллар часовой заработной платы среднестатистический работник в России производил примерно в 3 раза больше валового национального продукта, чем в США. При этом наш наемный работник был вынужден обменивать свою нищенскую заработную плату, которая в реальном исчислении оказалась намного ниже советской, на продукцию и услуги, цены на которые вплотную приблизились к мировым, а в некоторых случаях их перешагнули [16].

Рассуждая о возвращении отечественного рынка, нельзя обойти вопрос о конкурентоспособности отечественной продукции, в том числе и по ценовым параметрам. Система исчисления налогооблагаемой базы в пореформенной России оказалась организована так, что фонд оплаты труда является главной составляющей налоговых доходов (около 70% их прямо или опосредованно связаны с этим фондом). В результате искаженных пропорций между первичными факторами производства получается, что самый угнетенный фактор производства «создает» основную часть дохода России. В своих работах Д.С. Львов с группой экономистов упирали на то, что реально в России основной вклад в прирост ВВП вносит не труд или капитал, а рента – доход от использования земли, территории страны, ее природных ресурсов, магистральных газопроводов, средств сообщения (транспорт и современные средства связи), монопольного положения производителей важных видов продукции, пользующихся повышенным спросом на рынке. Вклад же труда не превышает 5%, а капитала – 20%. Таким образом, реальное соотношение между трудом, капиталом и рентой как факторами производства выглядит соответственно как 1:4:15. Однако вклад в бюджет от них поступает в пропорции 20:5:4, благодаря чему происходит скрытое перераспределение значительной части национального дохода России в пользу небольшой группы финансовых олигархов и криминального бизнеса, и рента превращается в один из главных источников криминализации экономики и всей общественной жизни, за счет нее идет развитие западных экономик [13].

Академик Д.С. Львов разработал теорию использования природных ресурсов в интересах всех членов российского общества. Он предлагал обратить ренту в общественные доходы, которые можно аккумулировать в системе общественных финансов, расходовать на развитие систем здравоохранения и образования, социальную помощь малоимущим слоям населения, а также на обеспечение воспроизводства минерально-сырьевой базы и сохранение окружающей природной среды. Полагал, что за счет ренты наша страна могла бы покрывать не только эти расходы, но и частично

те, которые финансируются из государственного бюджета, – на оборону, содержание госаппарата.

По расчетам Д.С. Львова и других экономистов, существующее налогообложение примерно в 2 раза увеличивает издержки производства, а следовательно, и цены на отечественную продукцию, тем самым резко снижая ее конкурентоспособность даже на внутреннем рынке. Одновременно у производителей создается мощный стимул к сокращению рабочих мест. Дмитрий Семенович был уверен в том, что необходимо снять все налоги и начисления с фонда оплаты труда, ликвидировать НДС, перенести тяжесть налогообложения на прибыль. В то же время следовало бы предусмотреть близкое к 100-процентному перечисление в доход государства ренты от природоэксплуатирующих областей. Это дало бы возможность начать борьбу за вытеснение с нашего внутреннего рынка импортных товаров, а в дальнейшем сформировало дополнительные стимулы для развития отечественной экономики, увеличило налоговые поступления в бюджет и возможности повышения заработной платы [16].

Академик Львов неоднократно выступал на заседаниях Президиума РАН с предложениями перехода от плоской шкалы подоходного налога на прогрессивную, а для граждан с доходами ниже прожиточного минимума вообще отменить подоходный налог. Одновременно считал необходимым повысить налоговую нагрузку на имущество сверхбогатых, приведя ее в зависимость от рыночной стоимости имущества. Он активно протестовал против феномена воспроизводящейся бедности, которая была создана в России. И был твердо уверен, что с переходом к преимущественно рентной системе налогообложения российская экономика постепенно начнет превращаться в социально ориентированную.

Несмотря на то что сегодня развитие отечественной экономики осуществляется по иному сценарию, а фискальная политика государства ужесточается в отношении незащищенных слоев общества (контроль за доходами самозанятых граждан, повышение процентной ставки НДС и других косвенных налогов, уплачиваемых из кармана рядового потребителя, и т.п. недавние новации налогообложения), идеи Дмитрия Семеновича не были забыты, в настоящее время в том же направлении ведет свои исследования А.Б. Кобяков [11]. А Сергей Глазьев предлагает меры не только по практическому развитию российской экономики (в том числе ее реиндустриализации на базе нового технологического уклада), но и по эффективному противодействию выводу капитала за рубеж (для применения которых пока не хватает политической воли), доказательно развенчивая ключевые догмы либертарианского мейнстрима, следование которым со стороны ЦБР этому процессу способствует.

Итоги

Авторский концепт аутентичного развития [17] имеет под собой философские, экономические и политические основания и представляет собой

комплекс взаимосвязанных мер во всех сферах социальной жизни, способствующих гармоничному развитию российского общества и государства: опору, прежде всего, на собственный историко-культурный опыт (не исключая знание и учет мирового), реиндустриализацию, дезурбанизацию, возврат к созидательным формам занятости населения, возвращение государства в экономику в качестве ее активного участника. В том числе – формирование параллельного контура власти, если для реализации всех этих мер возникнет такая необходимость.

Парадигма аутентичного развития означает гармоничное сочетание различных стадий развития общества. Переход к постмодерну, высоким технологиям должен сочетаться с сохранением завоеваний современного общества, а также собственной культурной традиции. Конечно, культура – это не неизменная данность, она развивается с течением времени, однако сохранение традиционных ценностей (семья, природа, Родина), в том числе ценности созидательного труда, обеспечивает преемственность этого развития.

Библиографический список

- [1] *Панарин А. С.* Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с.
- [2] *Четверикова О.* Путь к цифровому слабоумию. 19.10.2019. Режим доступа: http://zavtra.ru/blogs/tcifrovoy_totalitarizm_kak_eto_delaetsya_v_rossii. Дата обращения: 22.10.2019.
- [3] *Карадже Т.В., Томбу Д.В.* Реалии миграционного процесса в России: количественные «плюсы» и качественные «минусы» // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 175–183. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-175-183
- [4] *Зыбуновская Н.В.* Справедливость как ценность в сознании российского общества // Социология власти. 2011. № 6. С. 56–65.
- [5] *Будко Д.А., Лукьянова Г.В.* Образ идеальной России в сознании студенческой молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2019. Т. 21. № 2. С. 184–194. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-184-194.
- [6] *Фурсов А. И.* Вперед, к победе! Русский успех в ретроспективе и перспективе. М.: Книжный мир, 2016. 384 с.
- [7] *Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И.* Русская Система и реформы // Pro et Contra. Т. 4. 1999. № 4.
- [8] *Фурсов А., Пивоваров Ю.* Русская Система: генезис, структура, функционирование: (Тезисы и рабочие гипотезы) // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 3.
- [9] *Макаренко В.П.* Русская власть (теоретико-социологические проблемы). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 1998.
- [10] *Лубский А.В.* Концепт «русская власть»: метафорические возможности интеллектуального дискурса // Политическая концептология. 2010. № 2. С. 116–129.
- [11] *Кобяков А. Б.* Консервативные императивы российской экономической модели // Мировой кризис: хроника и комментарии. Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/1409065>. Дата обращения: 30.10.2019.
- [12] *Глазьев С. Ю.* Культ Золотого тельца и Россия // Глазьев.Ру. 29.10.2019. Режим доступа: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/73176-kul-t-zolotogo-tel-tsa-i-rossija>. Дата обращения: 30.10.2019.
- [13] Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики) / под ред. Д.С. Львова. М.: Экономика, 1999. 517 с.
- [14] *Львов Д.С.* Нравственная экономика // Свободная мысль XXI. 2004. № 9. С. 24–36.

- [15] Пестрецов А.Ф. Соборность – константа русского национального самосознания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 176–181.
- [16] Мешков А. Он знал, как возродить Россию (памяти выдающегося русского ученого-экономиста Дмитрия Семеновича Львова) // Столетие (Информационно-аналитическое издание Фонда исторической перспективы). 06.07.2016. Режим доступа: http://www.stoletie.ru/sozidateli/on_znal_kak_vozrodit_rossiju_133.htm. Дата обращения: 25.09.2019.
- [17] Ильинская С.Г. Концепт аутентичного развития как альтернативная модернизации идеология // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2018. Т. 20. № 2. С. 215–236. DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-215-236.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 20.12.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-116-133

Research article

Authentic Development: Key Aspects of the Concept

S.G. Ilinskaya

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences
Goncharnaya Str., 12, Moscow, Russia, 109240

Abstract. The article focuses on the social, political, philosophical and economic aspects of the concept of authentic development. Besides being based on Russia's historical experience and socio-cultural values, the project relies on certain socio-humanitarian scientific studies conducted by domestic scholars of previous generations. By applying interdisciplinary and systematic approaches, the author is able to map out not only the socio-political and humanitarian components of the concept, but also a whole complex of problems the project is aimed to solve.

Key words: authentic development, labor ethic, parallel power, reasonable autarchy, moral economy

References

- [1] Panarin A.S. *The Truth of the iron curtain*. Moscow: Algoritm; 2006. 336 p. (In Russ.).
- [2] Chetverikova O. Path to Digital Dementia. *Zavtra*. 19.10.2019. Available from: http://zavtra.ru/blogs/tcifrovoj_totalitarizm_kak_eto_delaetsya_v_rossii. Accessed: 22.10.2019 (In Russ.).
- [3] Karadje T.V., Tombu D.V. Realities of the Migration Process in Russia: Quantitative “Pros” and Qualitative “Cons”. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 175–183. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-175-183 (In Russ.).
- [4] Zybunovskaya N.V. Justice as a Value in Consciousness of the Russian Society. *Sociology of power*. 2011; 6: 56–65 (In Russ.).
- [5] Budko D.A., Lukyanova G.V. Image of an Ideal Russia in the Consciousness of Student Youth. *RUDN Journal of Political Science*. 2019; 21(2): 184–194. DOI: 10.22363/2313-1438-2019-21-2-184-194. (In Russ.).

- [6] Fursov A.I. *Forward, to Victory! Russian success in retrospect and perspective*. Moscow: Knizhnyj mir; 2016. 384 p. (In Russ.).
- [7] Pivovarov Yu.S., Fursov A.I. Russian System and Reforms. *Pro et Contra*. 1999; 4 (4) (In Russ.).
- [8] Fursov A., Pivovarov Yu. Russian System: Genesis, Structure, Operation. *Russian historical journal*. 1998; 1 (3) (In Russ.).
- [9] Makarenko V.P. *Russian Power (Theoretical and Sociological Problems)*. Rostov n/D: 1998 (In Russ.).
- [10] Lubs kij A.V. The Concept of “Russian power”: Metaphorical Possibilities of Intellectual Discourse. *The political conceptology: journal of metadisciplinary reseach*. 2010; 2: 116–129 (In Russ.).
- [11] Kobyakov A.B. Conservative Imperatives of the Russian Economic Model. *World Crisis*. Available from: <http://worldcrisis.ru/crisis/1409065>. Accessed: 30.10.2019 (In Russ.).
- [12] Glazev S.Yu. Cult of the Golden Calf and Russia. *Glazev.Ru*. 29.10.2019. Available from: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/73176-kul-t-zolotogo-tel-tsa-i-rossija>. Accessed: 30.10.2019 (In Russ.).
- [13] *The Way to the XXI Century*. Ed. by D.S. Lvov. Moscow: Economics; 1999. 517 p. (In Russ.).
- [14] Lvov D.S. Moral economy. *Svobodnaya mysl – XXI*. 2004; 9: 24–36 (In Russ.).
- [15] Pestretsov A.F. Sobornost as a constant value in Russian national moral. *Bulletin of Nizhny Novgorod University N. I. Lobachevsky. A series of Social science*. 2008; 1 (9): 176–181 (In Russ.).
- [16] Meshkov A. He Knew How to Revive Russia. *Stoletie*. 06.07.2016. Available from: http://www.stoletie.ru/sozidateli/on_znal_kak_vozrodit_rossiju_133.htm. Accessed: 25.09.2019 (In Russ.).
- [17] Ilinskaya S.G. The Concept of Authentic Development as an Alternative Ideology of Modernization. *RUDN Journal of Political Science*. 2018; 20 (2): 215–236. DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-2-215-236 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 20.12.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

Информация об авторе:

Ильинская Светлана Геннадьевна – кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии Российской академии наук (ORCID ID: 0000-0002-7402-5265) (e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru).

Information about the author:

Svetlana G. Ilinskaya – PhD in Political Science, Senior Research Fellow of the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Russian Federation) (ORCID ID: 0000-0002-7402-5265) (e-mail: svetlana_ilinska@mail.ru).

Для цитирования:

Ильинская С.Г. Аутентичное развитие: ключевые аспекты концепта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 116–133. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-116-133

For citation:

Ilinskaya S.G. Authentic Development: Key Aspects of the Concept. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 116–133. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-116-133